

УДК 397 + 398

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-177-186

Щука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века)

В. А. Бурнаков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые предлагается характеристика образа щуки в традиционном мировоззрении и обрядности хакасов. Исследование основано на фольклорных и этнографических источниках. Используемые в работе фольклорные материалы – отрывки из героических сказаний (*алыптыг нымахтар*) в авторском переводе на русский язык, а также архивные сведения, впервые вводятся в научный оборот. В результате исследования сделан вывод, что в традиционном сознании народа эта рыба наделяется сложной и неоднозначной характеристикой. Во многом ее образ и восприятие были обусловлены биологической природой, поэтому ее часто расценивали как опасного и алчного хищника. Наряду с этим имелись представления о щуке как о мудром существе, приобщенном к сокровенным тайнам, воплощении повелителя водной стихии – *суг ээзи*. Эта рыба играла важную роль в мифоритуальном комплексе хакасских шаманов, выполняя защитные и лечебные функции. Она наряду с другими животными выступала в качестве одного из ключевых духов-помощников кама, помогавших при его мистериях, главным образом в процессе путешествия в подводный мир. Поэтому изображения щуки встречаются на шаманских бубнах.

Ключевые слова

хакасы, культура, фольклор, шаманизм, образ, символ, обряд, дух, *тӧс*, щука

Благодарности

Исследование проведено при поддержке проекта НИР (проект № 0329-2016-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения»)

Для цитирования

Бурнаков В. А. Щука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 177–186. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-177-186

Pike in the Beliefs and Folklore of the Khakass (Late 19th – Mid 20th Century)

V. A. Burnakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The purpose of the study is to characterize the image of the pike in the worldview and ritual practices of the Khakass. To achieve our goal, we analyzed the folklore and ethnographic information available and identified the key constituent elements of the creature analyzed, as well as discovered the semantic links of its image with natural objects and elements. The chronological framework of the work covers the end of the 19th – middle of the 20th centuries. The pike has never become the focus of ethnographic studies before.

Results. We came to the conclusion that the pike played an important role in the spiritual culture of the Khakass. The characteristic features of the pike's mythological image as a predatory fish were influenced mainly by its biological nature and, first of all, the morphology of its body, its behavior, lifestyle, way of hunting, and, of course, its habitat. In

popular mythological consciousness, the projection of its zoological features was expressed through considering the pike as an agile, rapacious and greedy creature, as a rule. At the same time, the pike was also perceived as a wise creature possessing secret knowledge about aquatic depths and their inhabitants. In addition, in many plots the pike acted as a wonderful assistant and helped the protagonist in solving his problems. On the other hand, heroes themselves often turned into this fish in order to achieve their goals related to the other world. In the religious and mythological ideas of the Khakass people, the pike was an incarnation of the spirit of the water host – *sug eezi*. This deity used to play a key role in the traditional rituals of the Khakass.

Conclusion. In sacral practices, the pike performed the function of a *tos*, a shaman's spiritual assistant. Its image was present on their ritual paraphernalia – tambourines. Due to this, using a pike as food was strictly prohibited for the Khakass and other peoples of Southern Siberia.

Keywords

Khakass, culture, folklore, shamanism, image, symbol, rite, spirit, *tös*, pike

Acknowledgments

The study was supported by the research project (project 0329-2016-0006 “Symbol and Sign in the Culture of the Peoples of Siberia in 17th – 21st Centuries: Actualization and Conservation Strategies”)

For citation

Burnakov V. A. Pike in the Beliefs and Folklore of the Khakass (Late 19th – Mid 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 177–186. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-177-186

Введение

В традиционной картине мира хакасов животные и рыбы занимали заметное место. Среди представителей ихтиофауны особенно выделялась щука (хак. *сортан*). Мировоззренческий комплекс хакасов, связанный с этим существом, прежде никогда не становился объектом специального этнографического изучения, поэтому целью исследования является характеристика образа щуки в мировоззрении и обрядовой практике хакасов. Источниковая база исследования включает в себя фольклорные и этнографические материалы. Фольклорные произведения представляют собой эпосы, мифы, сказки, пословицы, загадки на хакасском и русском языках. Некоторые из них впервые переводятся автором на русский язык. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в., что определено состоянием и возможностями базы источников по теме исследования.

Результаты исследований и обсуждение

Щука является одним из распространенных водных хищников. Известный ихтиолог Л. П. Сабанеев, характеризуя эту рыбу, совершенно точно подметил, что «по своей хищности, повсеместному распространению и величине, которой уступает только далеко не столь многочисленному сому, щука, несомненно, составляет одну из наиболее замечательных и наиболее известных пресноводных пород рыб» [Сабанеев, 1959. С. 194]. Обращает на себя внимание то, что вторая составная часть латинского названия щуки *Esox Lucius* является однокоренной и семантически тождественной слову *Lucos*, обозначающему ‘хищник / волк’ [Подоскина, 2007]. В этой связи рассматриваемый ихтионим с латыни на русский язык может быть буквально переведен как «голодный хищник / волк», что совершенно точно характеризует природу щуки. Ее хищническая натура проявляется уже в строении зубов и в целом – ротовой полости. Зубы расположены таким образом, чтобы удобнее было схватить и удержать добычу, а затем быстро ее проглотить. Мелкие зубы загнуты внутрь пасти и располагаются на языке и верхней челюсти, а на нижней челюсти имеются клыкообразные зубы. Указанные анатомические особенности нашли отражение в устном народном творчестве хакасов, где ее образ представлен в виде *алты азылыг ала сортан* – ‘с шестью клыками пестрой щуки’ (Айдолай, 1959. С. 104).

В народе считали, что внешность щуки напрямую связана с ее сущностью. Представление о ней как о ненасытном, всепоглощающем и постоянно вбирающем в себя хищном существе, очевидно, нашла воплощение и в самом ее хакасском наименовании – *сортан*. Корень дан-

ной лексемы *-sor-* в тюркских языках восходит к такому значению, как «втягивать, всасывать, впитывать» (ДС, 1969. С. 509; ЭСТЯ, 2003. С. 334). Отметим и тот факт, что в хакасском языке понятие *хищник* обозначается термином *ачын*, например, «*сортан – ачын палых*» – «щука – хищная рыба» (ХРС, 2006. С. 344). Слово *ачын* помимо указанного имеет еще такие дополнительные значения, как «алчный» и «жадный» (ХРС, 2006. С. 91). Образ щуки как алчущей и ненасытной, с развитым инстинктом убийцы, запечатлен и в фольклоре. Так, в сказке «Змея и щука» ее поведение получает порицание со стороны других животных: «Не зря тебя называют разбойницей. Неужели тебе мало двух окуней, что ещё третьего хочешь съесть. Нельзя быть такой жадной» (Змея и щука, 1958. С. 3).

Изучая биологические особенности щуки, отметим, что не только пасть и зубы, но и тело определенно характеризует ее как хищника. Она имеет стреловидную удлинённую форму, выдающуюся вперед голову, широкую пасть и мощные челюсти. Вытянутое в длину тело и остроконечная голова делают ее обтекаемой и хорошо адаптированной для подводного передвижения. Она обладает значительным проворством и ловкостью движений. Указанные зоологические особенности ее поведения нашли отражение в хакасской поговорке – *сортан осхас толгалчых* – «вертлявый, как щука» (ХРС, 2006. С. 344).

Глаза у щуки большие, выпученные и подвижные. Они располагаются довольно высоко, что позволяет ей обозревать обширное пространство, не поворачивая головы. Щука хорошо видит все, что происходит как впереди нее, так и над ней или сбоку. Она обладает и отлично функционирующей боковой линией – осязательным органом, тонко реагирующим на малейшие вибрации [Сабанеев, 1959. С. 195]. Все это указывает на ее большой охотничий потенциал. Заметив жертву, она медленно поворачивается и затем совершает молниеносный бросок на расстояние, которое зачастую в разы превышает длину ее тела. Л. П. Сабанеев по этому поводу сообщал, что «редкой рыбе удается избежать зубастой пасти погнавшегося за ней хищника, тем более что последний преследует ее не только в воде, но даже и в воздухе» [1959. С. 198]. В мифологическом сознании способность щуки выпрыгивать из воды осмысливается как полет. И это чрезвычайно сближает ее образ с птицей. Поэтому совершенно не случайно в хакасском фольклоре имеются упоминания о том, что щуки могут превращаться в птиц и улетать [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 112]. Устремленность щуки в преследовании своей жертвы получила отражение в устном народном творчестве хакасов. Так, некоторые отрицательные персонажи, погружаясь в воду с целью догнать и погубить героя, непременно оборачиваются в щуку [Кузнецова, 1899. С. 142].

Успех охоты щуки во многом определяется еще и соответствующим камуфляжем. Окрас ее чешуи зависит от среды обитания, окружающей флоры и возраста. Она чаще бывает серовато-зеленой, серой с желтизной или серо-коричневой. В фольклоре хакасов эта особенность способствовала закреплению за ней такого типичного колоративного признака, как пестрота и серость; в героической эпике представлен персонаж *ала сортан* – «пегая / пёстрая щука» (Албынчи, 1951. С. 60; Айдолай, 1959. С. 104).

Степень ее погруженности в глубину имеет прямую зависимость от размера – чем она больше, тем старается глубже уйти [Сабанеев, 1959. С. 195–200]. Хакасами подобные глубоководные рыбные места обозначались терминами *күңүре* или *көне* (ХРС, 2006. С. 200, 216). Указанная особенность среды обитания, а также зоологическая специфика щуки, способствовали тому, что в религиозно-мифологическом сознании получила развитие идея о ее вездесущности, а также подвластности ей водного пространства.

Столь неординарные зоологические данные, а также единое водное пространство охоты, с ее непосредственным объектом – рыбой, весьма сблизили щуку с таким сильным, быстрым и беспощадным хищником, как выдра (хак. *хамнос*). Отождествление образов указанных животных, с намеком на их превосходные охотничьи способности, нашло отражение в народной загадке о выдре: *тага сыхса аң осхас, тагдаң инзе, саңа осхас, суга кірзе сортан осхас, (хамнос)* – «на гору залазит, как зверь, с горы спускается, как лыжи, в воду залезет, словно щука (выдра)» [Доможаков, 1951. С. 72].

В традиционном мировоззрении щука является воплощением *суг ээзі* – духа-хозяина воды (реки, озера, моря и пр.). В обрядовой поэзии народа распространен такой ее эпитет, как *ўзең аттыг кер сортан* – ‘морская щука (гнедая), имеющая три названия’ [Дыренкова, 2012. С. 135]. В указанном наименовании вызывает интерес слово *кер* (или *кир*). В дореволюционных изданиях, как правило, использовался вариант написания *кер* (Алтын Пыркан, 1868. С. 88–136). Подобное начертание позволило некоторым авторам буквально перевести это слово как ‘гнедая’ [Дыренкова, 2012. С. 135]. Действительно, в хакасском языке лексема *кер* обозначает определенный цвет или, чаще, масть животного – ‘гнедая’ или ‘каряя’ (ХРС, 2006. С. 157). Между тем по нормам современной хакасской орфографии применительно к мифической щуке обычно употребляется слово *кир / кирі*, отсюда *кир сортан* (Бутанаев, 1999. С. 43). Следует пояснить, что в хакасском языке термин *кир* в отличие от *кер* в наши дни наделяется совершенно иным смыслом: огромный; применительно к фольклорным персонажам – существо огромных размеров, великан; старый, пожилой (ХРС, 2006. С. 168). Указанные значения в полной мере применимы к образу щуки как существу, олицетворяющему владыку вод, – *суг ээзі*. Так, в религиозно-мифологическом сознании хакасов *кир сортан* воспринималась в качестве рыбы гипертрофированных размеров, которая существует в протяженном пространственно-временном континууме. Более того, она осмыслялась как некое прасущество, появившееся на свет в эпоху первотворения. Поэтому совершенно не случайно шаман, обращаясь к ней, акцентировал внимание на ее архаических корнях: «...тебя, морскую щуку, имеющую три названия, творил (праотец) Адам» [Катанов, 1907. С. 557].

В фольклоре представлен также сюжет о щуке – чудесном помощнике героя в приобретении сокрытых знаний [Овичев, 1905] или в поиске пропавших в водной пучине людей. Так, в богатырском сказании «Картага Мерген» герой обращается к духу-хозяину воды *суг ээзі* с просьбой найти сестру. Тот соглашается ему помочь. При этом в целях обеспечения успеха миссии он превращается в щуку:

*Кара пор атка алтаныб-алчык,
Ебiрiп jөрүн iзiн iстен jөр,
Jолын jоллап таппачык,
Ак талаiның казына jорт-келчiк.
“Суг езi, абаң!, – теdip, –
Туңмам каiда парганын
Пiлдiңме, суг езi?”.
“Jок, наijы, пiлбедiм”.
“Аны сен пiлбiн
Но неме еткезiң?” – теdip.
“Саjымны санабын,
Кумумну iлбедiн,
Парган jерiн пiлбессiм”
“Талаiга кирген полза
Талаiның iстiнең таб-ал!”
“Талаiда полза табарбын”.
“Табар ползаң, пар!” – теdip.
Суг езi талаiга кир-парды,
Сортан полып оiлаб-ышыык*

Темно-серого коня оседлавши,
Кругом объехал, следы обследовал,
Дорогу, поискав, не нашел,
Белого моря берега достигши.
“Хозяин воды, отец [наш]!, – говорит, –
Куда младшая моя [сестра] отправилась
Узнал ли [ты], хозяин воды?”.
“Нет, друг, не узнал”.
“Этого не узнав,
Что [ты] делал?” – сказал.
“Гальку [свою] считал,
Песок [свой] просеивал,
[Куда она] отправилась [ту] землю, не знаю [я]”
“[В] море если погрузился,
[В] пучине моря найди!”
“[В] море [если она] будет, найду”.
“[Если ее] искать будешь, [то] иди!” – сказал.
Хозяин воды [в] море нырнул,
[В] щуку обратившись, умчался
(Картага..., 1868. С. 496) ¹.

¹ Здесь и далее перевод с хакасского наш.

В эпосе «Ала Картыга – Белый Сокольник» выделяется чудесная способность щуки с легкостью преодолевать серьезные препятствия в пути. При этом она может не только быстро проплывать труднопроходимые глубоководные места, но еще и без особых затруднений перемещаться «по сухому пути до моря» [Титов, 1856. С. 192]. Твердая убежденность в том, что щуке целиком и полностью доступна водная стихия и иные пространства, способствовала дальнейшему развитию сюжетов о ней. Во многих фольклорных произведениях герои уже сами чудесным образом метаморфозируются в щуку с целью обнаружения пропажи или получения тайных знаний, сокрытых в морских глубинах. Причем такими персонажами могут быть не только люди, но и животные. Н. Ф. Катанов по этому поводу писал: «Жеребенок или лошадь часто превращается в человека или золотую утку, или щуку» [1887. С. 229]. Повествование о перевоплощении героя в щуку получило большое распространение в эпическом творчестве хакасов. Приведем соответствующие примеры из богатырских сказаний:

<i>Анаң айланып Хулатайның оолгы</i>	Затем, обернувшись, Хулатая сын,
<i>Ікі пілегін чыхчынып, ікі идегін хыстынып,</i>	Обе кисти [свои] обнажив, обе полы [свои] подоткнув,
<i>Пас-киліп, төңіс талай суға кире сегірді,</i>	Подошёл [к] морю-океану [великой] воде [и] прыгнул [в него],
<i>Ала сортан палых полып чүс-сыхты</i>	Пестрой щукой-рыбой став, поплыл
	(Албынчі, 1951. С. 60).

<i>Хан Чачах сах аннаң айланып,</i>	Хан Чачах, вот оттуда возвратившись,
<i>Тура салып, тір сілігінібіскен,</i>	Остановилась, стоя встряхнулась,
<i>Алты азыгыг ала сортан полып,</i>	[С] шестью клыками в пеструю щуку обратившись,
<i>Талай сугның түбіне кире сегірібіскен</i>	На дно великой реки нырнула
	(Айдолай, 1959. С. 104).

Рассмотренные особенности морфологии и поведения щуки, вера в ее мистическую сущность, а также непосредственное отождествление ее с духом-хозяином воды *суг ээзі* во многом послужили основой того, что хакасы этой рыбе отвели особую роль в шаманизме и традиционной обрядности. П. Е. Островских, анализируя ее значение в ритуальной практике хакасских шаманов, пришел к однозначному выводу о том, что «играет также при шаманстве роль и щука» [1895. С. 342].

Щука была распространенным *төс'ом* – духом-помощником шамана, и называлась *кир сортан*. Рыба помогала шаману в процессе камланий, особенно при путешествиях в водной среде и непосредственно в ходе контактов с главным ее духом – *суг ээзі*. В текстах обычно фигурирует одна либо две щуки (самка и самец) [Катанов, 1889; Бутанаев, 2006. С. 98]. Старики-хакасы, отмечая ее роль в процессе шаманских мистерий, сообщали, что «когда шаман во время камлания переправлялся через реку, то превращался в рыбу-щуку (*сортан палых*)»². В шаманских молитвах имеются следующие слова: «Если я войду в воду, то, став щукой, поплыву»; «моя щука, отдыхай в теплой воде заводи» [Бутанаев, 2006. С. 232–233].

Хакасы верили, что шаман посредством магической силы щуки исцеляет людей от водянки, всевозможных брюшных болезней, а также приносил облегчение при заболеваниях ног и груди [Катанов, 1907. С. 580; Иванов, 1955. С. 213; Потапов, 1991. С. 194]. При этом следует обратить внимание на то, что довольно часто сами щуки становились коренной причиной указанных недугов. В таком случае шаман, будучи сам в ихтиоморфном облике, загонял вредоносных рыб в специально отведенные для них дальние места, чтобы оградить людей от их негативного влияния. По этому поводу Н. Ф. Катанов писал: «Сильный шаман гонится

² АМАЭС ТГУ. № 682-3. Л. 63.

за щуками, водяными духами, до тех пор, пока не загонит их за девять морей, во владения горного царя. Плохой шаман возвращается с дороги; тогда щуки идут снова к больному, и болезнь продолжается» [Катанов, 1893. С. 30].

Изображения щук часто встречались на шаманских бубнах. Они, как правило, изображались черной краской и располагались в их нижней части, олицетворявшей Нижний мир [Катанов, 1893. С. 30; Яковлев, 1900. С. 117]. Этнограф С. В. Иванов, исследовав пятьдесят хакасских бубнов, зафиксировал на них десять изображений рыб [1955. С. 209]. Надо полагать, что все они символизировали собой щук как ключевых ихтиоморфных помощников шамана.

У хакасов щука мыслилась не только в качестве сверхъестественного существа, служащего шаману, но и как одно из воплощений духа-покровителя овец. Полагали, что если человек во сне видел щуку, как и некоторых других животных, то это сигнализировало о необходимости принесения жертвы обозначенному духу, иначе сновидца постигнет болезнь [Катанов, 1907. С. 592]. Отметим, что некоторые домашние пенаты – *тӧс'ы*, в том числе и *аба тӧс* – 'медвежий фетиш' в качестве жертвенного подношения предпочитали щуку и уху из нее [Катанов, 1907. С. 576; Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 196].

Относительно щуки как пищевого объекта у хакасов, как и у других народов Южной Сибири, ее использование строго регламентировалось: «Щук, как воплощений водяных духов не употребляют в пищу ни минусинские татары, ни урянхайцы, ни карагасы» [Катанов, 1893. С. 30]; «По сообщению Г. Шоева, женщины качинки не едят щуки (сортан), которая имеет какое-то отношение к религиозным обрядам» [Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 196]; «У качинцев и сагайцев, да и у тувинцев, многие шаманисты даже не ели щук, опасаясь заболеваний, несмотря на то, что общего запрета на употребление в пищу рыбы не существовало» [Потапов, 1991. С. 194].

Но щуку добывали не только в ритуальных, но и в медицинских целях: «щучий жир употребляется, как лекарство» [Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 196]. Значимость щуки в этих сферах была велика – ее образ стал ассоциироваться даже с таким важным органом тела человека, как сердце. Подобное отождествление представлено в следующей народной загадке: *сӱген истинде сортан тулганча (чӱрек)* – 'внутри верши бьется щука (сердце)' [Доможаков, 1951. С. 75].

Заключение

Представленные материалы позволяют сделать вывод о том, что щука выполняла важную роль в духовной культуре хакасов. В фольклоре и обрядовой практике народа ее образ получил широкое распространение, на формирование характерных черт которого повлияла сама биологическая природа щуки, прежде всего морфология тела, поведение, образ жизни, способ охоты и, конечно же, среда обитания. Образ щуки неоднозначен. Проекция ее зоологических особенностей выразилась главным образом в наделении такими чертами, как проворство, хищность и алчность. Вместе с тем щука воспринималась еще и как обладающее тайными знаниями мудрое существо, которому подвластны водные пространства и их обитатели. При этом она нередко выступала в качестве чудесного помощника, выполняя функцию *тӧс'а* – духа-помощника шамана или помогая главному герою в решении его проблем. Зачастую и сами герои оборачивались в щуку для достижения целей, связанных с потусторонним миром. Щука являлась воплощением духа-хозяина воды – *суг ээзи*, а это божество играло одну из ключевых ролей в традиционной обрядности хакасов. Поэтому не удивительно, что изображения щуки были представлены в ритуальной атрибутике – шаманских бубнах. Задействовалась она и в народной медицине, но как пищевой объект для хакасов и других народов Южной Сибири табуировалась.

Список литературы

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.

- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Дыренкова Н. П.** Вода, горы и лес по воззрениям турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 131–188.
- Доможаков В. И.** Хакасские загадки // Зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хакгосиздат, 1951. Вып. 2. С. 60–84.
- Иванов С. В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
- Катанов Н.** (священник). Шаманский бубен и его значение // ЕЕВ. 1889. № 6. С. 112–114.
- Катанов Н. Ф.** Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник. 1887. Т. 25. С. 218–234.
- Катанов Н. Ф.** Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. 114 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб.: Имп. Академия наук, 1907. Т. 9. 640 с.
- Кузнецова А. А.** Четыре сказки минусинских инородцев, записанные А. Кузнецовой // ЖС. 1899. Вып. 1. С. 140–149.
- Кузнецова А. А., Кулаков П. Е.** Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енис. губ. управления, 1898. 298 с.
- Овичев.** Богатырские поэмы Минусинских татар // Сибирский наблюдатель. 1905. Кн. 3. С. 1–9.
- Островских П. Е.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // ЖС. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
- Подоскина Т. А.** Методическое пособие по запоминанию латинских названий в биологии, сопровождаемое словарем. 2007. URL: <http://stomfaq.ru/7278/7278.pdf> (дата обращения 15.03.2019)
- Потапов Л. П.** Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
- Сабанев Л. П.** Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев: Гос. изд-во сельхоз. лит. Украинской ССР, 1959. 668 с.
- Титов В.** Богатырские поэмы минусинских татар // ВЮ РГО. 1856. Ч. 15. С. 187–200.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

Список источников и словарей

- Айдолай. Алыптыг нымах. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. 192 с.
- Албынчи (алыптыг нымах) // Алыптыг нымахтар. Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98.
- Алтын Пыркан // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. СПб.: Имп. Академия наук, 1868. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик)). С. 88–136.
- Бутанаев В. Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Изд-во «Хакасия», 1999. 240 с.
- ДС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Змея и шука // Хайджи Тода. Хакасские сказки. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 3–4.
- Картага Мерген // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. СПб.: Имп. Академия наук, 1868. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик)). С. 492–531.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С”. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
ХРС – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Архивы

АМАЭС ТГУ. № 682-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, лето 1976 г. Дневник вели М. С. Усманова, и Н. И. Чаптыкова». 78 л.

References

- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanism Hongoraya [Traditional Shamanism of Hongorai]. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 2006, 254 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [The World of Khongor (Khakass) Folklore]. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 2008, 376 p. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Voda, gory i les po vozzreniyam turetskikh plemen Altaisko-Sayanskogo nagor'ya [Water, Mountains and Forest according to the Views of the Turkish Tribes of the Altai-Sayan Highlands]. In: Dyrenkova N. P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [Turks of the Sayan-Altai. Articles and Ethnographic Materials]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2012, p. 131–188. (in Russ.)
- Domozhakov V. I.** Khakasskie Zagadki [Khakass Riddles]. In: Zapiski KhakNIYALI [Notes of the Khakass Scientific Research Institute of Historical Literature]. Abakan, Khakass State Publ. House, 1951, iss. 2, p. 60–84. (in Russ.)
- Ivanov S. V.** K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [On the Meaning of the Symbols on Ancient Objects of Worship among the Peoples of the Sayan-Altai Highlands]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1955, vol. 16, p. 165–264. (in Russ.)
- Katanov N.** (priest). Shamanskii buben i ego znachenie [Shaman tambourine and its meaning]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti* [The Yenisei Eparchial Sheets], 1889, vol. 6, p. 112–114. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Skazaniya i legendy Minusinskikh tatar [Tales and Legends of the Minusinsk Tatars]. *Sibirskii sbornik* [Siberian collection], 1887, vol. 25, p. 218–234. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostichnogo Turkestana [Letters by N. F. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 114 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Dialects of the Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases (Samples of Folk Literature of Turkic Tribes issued V. V. Radloff)]. St. Petersburg, Imperial Academia of Sciences Publ., 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Kuznetsova A. A.** Chetyre skazki minusinskikh inorodtsev, zapisannye A. Kuznetsovoi [Four Tales of the Minusinsk Natives, recorded by A. Kuznetsova]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1899, iss. 1, p. 140–149. (in Russ.)
- Kuznetsova A. A., Kulakov P. E.** Minusinskie i achinskie inorodtsy [The Minusinsk and Achinsk Natives]. Krasnoyarsk, Yenisei Province Control Publ., 1898, 298 p. (in Russ.)
- Ovichev.** Bogatyrskie poemy Minusinskikh tatar [Heroic Poems of the Minusinsk Tatars]. *Sibirskii nablyudatel'* [Siberian Observer], 1905, vol. 3, p. 1–9. (in Russ.)
- Ostrovskikh P. E.** Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic Notes about the Turks on the Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1895, iss. 3–4, p. 297–348. (in Russ.)

- Podoskina T. A.** Metodika po zapominaniyu latinskikh nazvaniy v biologii, soprovozhdaemoe slovar'em [A Methodological Guide for Memorizing Latin Names in Biology, accompanied with a dictionary], 2007. (in Russ.) URL: <http://stomfaq.ru/7278/7278.pdf> (accessed: 15.03.2019)
- Potapov L. P.** Altaiskii shamanizm [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 320 p. (in Russ.)
- Sabaneev L. P.** Zhizn' i lovlya presnovodnykh ryb [Life and Catching Freshwater Fish]. Kiev, State Publ. House of Agricultural literature of the Ukrainian SSR, 1959, 668 p. (in Russ.)
- Titov V.** Bogatyrskie poemy minusinskikh tatar [Warrior Poems of the Minusinsk Tatars]. *Vestnik Irkutskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Irkutsk Branch of the Russian Geographical Society], 1856, vol. 15, p. 187–200. (in Russ.)
- Yakovlev E. K.** Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya [An Ethnographic Survey of the Indigenous Population of Southern Yenisei Valley and the Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, iss. 4, 212 p. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Aidolai. Alyptyg namakh [Aidolai. A Heroic Legend]. Abakan, Khakas. book Publ., 1959, 192 p. (in Khakass)
- Albynzhi [Albynzhi]. Khakasskoe geroicheskoe skazanie [A Khakass Heroic Legend]. Abakan, Khakas Regional State Publ. House, 1951, p. 13–98 (in Khakass)
- Altyn Pyrkan [Altyn Pyrkan]. Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, sobrannye V. V. Radlovym [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe, collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1868, vol. 2, p. 88–136. (in Khakass)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [A Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (in Russ.)
- Drevnyeturkskii slovar' [An Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 715 p. (in Russ.)
- Zmeya i shchuka [A Snake and a Pike]. In: Khaidzhi Toda. Khakasskie skazki [Musician Toda. Khakass tales]. Abakan, Khakass Book Publ., 1958, p. 3–4. (in Russ.)
- Kartaga Mergen [Kartaga Mergen]. In: Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, sobrannye V. V. Radlovym [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe, collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1868, vol. 2, p. 492–531. (in Khakass)
- Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S" [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Türkic and inter-Turkic Lexical Bases Starting with Letters "L", "M", "N", "P", "S"]. Moscow, East literature Publ., 2003, 446 p. (in Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.)

Archives

- Arkhiv MAES TGU [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk state university]. No. 682-3 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu, leto 1976 g. Zapisi veli M. S. Usmanova, A. I. Chapykova» [Ethnographic expedition TSU in Khakassia, summer 1976. Recording led M. S. Usmanova and A. I. Chapykova], 78 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.03.2019

Сведения об авторе

Бурнаков Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новоси-
бирск, 630090, Россия)
venariy@ngs.ru
ORCID 0000-0001-9636-3081

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Eth-
nography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federa-
tion)
venariy@ngs.ru
ORCID 0000-0001-9636-3081